

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 **Оплаченный диагноз** : роман / Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208806-3

«Оплаченный диагноз» — остросюжетный роман из серии «Дела судебные», написанный в соавторстве блистательным дуэтом Татьяны Устиновой и Павла Астахова.

Судья Елена Кузнецова весь день была занята на заседаниях и удивилась, обнаружив множество пропущенных звонков от сестры Натки. Что опять стряслось с этой неутомной особой, буквально притягивающей неприятности? Когда же Лене наконец удалось связаться с сестрой, волосы у нее встали дыбом: та находится в инфекционном отделении! Натка утверждает, что вовсе не больна, а недомогание — банальное отравление. Она просит забрать ее домой, но сделать это не так-то просто — Натку не выпускают. Связь прерывается, а когда Лена вновь пытается найти сестру, то слышит ужасные новости...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П., Устинова Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208806-3

В слове «отгул» Натке отчетливо слышался гулкий лязг тронувшегося поезда. Локомотив поехал, вагоны стукнулись один о другой, покатались, набирая ход, — ту-ту, всем пока, мы отправляемся в путь!

Было бы неплохо сесть в поезд, например Москва — Владивосток, и, помахав ручкой никогда не спящей столице, отправиться в незнакомые края.

Пить чай из стеклянных стаканов, тоненько дребезжащих в кружевных металлических под-стаканниках, смотреть в окошко на пролетающие мимо столбы, дома, леса и поля, болтать ни о чем со случайными попутчиками и сладко спать под размеренный перестук колес...

Но за один-единственный день отгула не доехать ни до Владивостока, ни даже до Энгельса, который не идейный товарищ Маркса,

а город под Саратовом. Второй по численности населения в области, как выяснила Натка из Интернета: по данным последней переписи, там проживают 227 049 человек.

И, как будто этого мало, неумолимое полицейское начальство отправило в Энгельс еще и безропотного Таганцева. Для более круглого счета, наверное — чтобы там было 227 050 человек. Ну, и чтобы в этой народной массе отыскать маньяка, который в прошлом году успел натворить дел в Белокаменной, а теперь всплыл в Заволжье.

Как будто без помощи московского опера местные сыщики столичного маньяка поймать не смогут! Таганцев уехал только позавчера, но обещающее стать затяжным отсутствие любимого мужчины уже неважно сказалось на Натке.

Мигом испортилось настроение — и это полбеды, гораздо хуже, что заметно пострадала внешность! Облупился лак на мизинце левой руки — это раз, кончики волос посекались — два, брови вознамерились выйти из отведенных им пределов, и, кажется, углубилась единственная пока, а потому привлекающая максимум Наткиного внимания морщинка на переносице.

Ко всему этому она еще и потолстела! На 1425 граммов, если верить чувствительным, как тургеневская барышня, весам, но, продолжая округлять, — на целых полтора кило!

Вряд ли такая катастрофическая убыль красоты случилась всего за пару дней, но обнаружена она была именно сейчас. Наверное, потому, что в присутствии влюбленного Таганцева Натка в своей привлекательности ничуть не сомневалась.

Теперь же со всеми этими неприятными открытиями следовало что-то делать, поэтому на отгул у Натки имелись большие планы. Она собиралась закатиться в салон красоты и пробыть там, если понадобится, хоть до самого вечера. Сеньку из школы надо забрать в пять часов — времени на восстановление порушенной красоты должно было хватить.

У Натки даже имелись деньги на эти реставрационно-восстановительные работы, потому что вдобавок к отгулу за архиважную сверхурочную работу по верстке иллюстрированных мемуаров одной малолетней интернет-звезды ей дали премию. Небольшую, но на один день в салоне должно было хватить.

Увы, стройный план полетел под откос, как подорванный врагами бронепоезд. Легкую

дурноту Натка ощутила еще дома, но списала ее на понятное волнение перед посещением салона красоты.

Однако уже на улице у нее заболел живот, да так сильно, что на школьный двор через открытую калитку она запустила Сеньку с приличного расстояния, точно шар в боулинге, даже не одарив любимого сына, как обычно, материнским поцелуем и парой напутствий, впрочем, неизменно бесполезных. И едва разогнавшийся Сенька эффектно врезался в разноцветные кегли, пардон, в одноклассников, она развернулась и заспешила домой.

По улице Натка семенила, сгибаясь пополам, хватаясь за живот и постанывая, и с нарастающим ужасом думала: неужели ОНО? Вернее, он — ужасный модный вирус? Помнится, пугающая «корона» числила среди своих симптомов и тошноту, и расстройство желудка.

Ввалившись в квартиру, Натка рванула прямиком в санузел и провела там немало времени — без всякой приятности, не то что в салоне красоты, но тоже очень волнительно.

Потом, терзаемая болью и подозрениями, она прошла в кухню и поочередно вдумчиво понюхала лимон, кофе в банке и нашатырь

в пузырьке. Всем известно, что при коронавирусе пропадает обоняние, это самый верный симптом.

Запахи не исчезли и не изменились, что обнадеживало. Тем не менее лучше Натке не становилось, и, помаявшись животом и сомнениями, она все-таки вызвала «Скорую».

В разговоре с телефонным оператором она усиленно напирала на то, что у нее сильно болит живот, есть тошнота и диарея, но и только! Ни кашля, ни насморка, ни боли в горле — никаких проявлений респираторного заболевания! Возможно, обыкновенный аппендицит.

Кого хотела убедить — непонятно. Себя, наверное, в первую очередь.

Так или иначе, «Скорую» ей прислали нормальную. Не такую, из которой, как из прилунившейся ракеты, неуклюже вываливаются громоздкие фигуры в скафандрах, повергая в шок и ужас всех жильцов многоквартирного дома.

К Натке явились обычные медики, даже не в белых халатах, а в красно-синих демисезонных костюмах, похожих на лыжные. Из жестких воротников трогательно торчали тонкие девичьи шейки.

— Какие вы молоденькие, — пробормотала больная, не сумев скрыть вызванного данным обстоятельством сожаления.

Понятно, что в связи со всеобщей мобилизацией врачей на борьбу с коронавирусом в «Скорой помощи» теперь работают и студенты, но можно ли им доверять? Натка предпочла бы иметь дело с опытным доктором.

Девчонки, впрочем, держались уверенно. Больную опросили, осмотрели, ощупали. Сочувственно покивали, пока она рассказывала о своих страданиях. Многозначительно переглянулись, когда Натка призналась, что ночью, не в силах уснуть в одинокой постели, доела позавчерашние суши, запив их холодным йогуртом с пирожным.

— Эклер из соседней кондитерской, — зачем-то пояснила она. — А суши из модного азиатского ресторана, мы были там с моим женихом перед самым его отъездом в бессрочную командировку. — Тут Натка в очередной раз тяжело вздохнула, мучимая не только болями в животе, но и сожалением по поводу ужасно несвоевременного отсутствия Таганцева.

Кто ей будет носить в больницу домашний куриный бульончик и свежий кефирчик? Сестра? Той по горло хватит забот с неукротимым

Сенькой, которого на время маменькиного нездоровья придется определить к тетушке...

Натка переключилась на то, как все это лучше устроить, и предложение девочек-медичек прокатиться на «Скорой» к хирургу, чтобы тот посмотрел ее «острый живот», приняла без раздумий.

Воображаемый хирург виделся ей могучим дядькой с волосатыми руками и привычкой командовать окружающими в бестрепетном армейском стиле.

Таковыми типами Натка управляла с легкостью, мигом обводя их вокруг пальчика — блин, с облупившимся маникюром, — но ладно, на сурового хирурга ее красоты еще должно хватить.

С этой мыслью она живо собралась и отправилась на «Скорой» в больницу, чтобы быстро выяснить причину своего нездоровья, экстренно принять необходимые меры к восстановлению нормального самочувствия и как можно скорее вернуться домой. Оставшись в памяти сурового хирурга как мимолетное виденье и гений чистой красоты...

И снова бронепоезд стройных планов загремел под откос! Во-первых, хирург оказался женщиной. Притом того типа, который

с прелестной Наткой диссонировал до рези в глазах и скрипа зубов.

Суровая (тут воображение не ошиблось) тетка неопределенного возраста 40+ поразительно напоминала математичку, которая тиранила Наташеньку Кузнецову в школьные годы чудесные: такая же прямая, костлявая, с глазами-буравчиками и куцым хвостиком пегих волос на затылке. Выше голову прикрывала розовая шапочка, лицо от носа до подбородка прятала голубая маска.

Эти аксессуары даму-хирурга не красили: явно не ее цвета. Ей бы в блестящий серый металл одеться: стальной шлем с забралом идеально подошел бы к холодным глазам и резкому бряцающему голосу...

Пока Натка, кривясь от боли и недовольства, подбирала модный лук неприветливой докторице, та ее осмотрела, ошупала и, что-то буркнув медсестре, резким жестом повелела больной удалиться из кабинета.

— Так что со мной? — Натка спохватилась, что за своими мыслями и фантазиями все пропустила.

— Подождите в коридоре. — Медсестра помогла ей выдвориться и устроиться на неприятно холодной и жесткой банкетке.

Местечко еще пришлось поискать: в приемном отделении больницы было многолюдно, как на вокзале. Натка с сожалением вспомнила свои утренние фантазии на тему убегающих в чудесные дальние края поездов. Домечталась...

Вот тебе целая толпа нервных граждан с чадами и домочадцами, документами и узелками с пожитками в руках. Кто-то кротко ждет, кто-то мечется в панике, кто-то стонет, кто-то посапывает, но все пребывают в подвешенном состоянии, не зная, что будет дальше...

— Подвинься-ка! — Натку бесцеремонно оттеснила на самый край банкетки объемистая дама.

Пол ее, впрочем, можно было определить только по голосу: дама с головы до ног была упрятана в блестящую упаковку. Прозрачный дождевик поверх шубы, полиэтиленовые бахилы на сапогах, резиновые перчатки на руках, пластиковый колпак для душа поверх вязаной шапки. Все сине-голубое — «тотал блю», модный тренд!

— Маска твоя где? — Дама посмотрела на Натку с подозрением и неприязнью.

— Сняла, — коротко ответила она, не имея сил и желания вдаваться в объяснения. — Меня тошнит.

— Ковидная? — Дама отодвинулась.

— Чего сразу ковидная? — испуганно вскинулась Натка.

— А с чем тут все, ты думаешь? — Дама рукой в перчатке обвела набитый людьми коридор. — Или уже с вирусом, или вот-вот будут, потому как ума не хватает нормально предохраняться. Идешь в больницу — оденься как надо. Вот я — и масочку, и перчаточки...

Дама нудно забубнила, нахваливая свой противовирусный модный лук. Натка, не слушая ее, отвернулась и тоскливо оглядела разношерстную толпу.

Мужчины, женщины, дети, старички и бабушки — неужто и впрямь все «ковидные»?

Эх, сглупила она!

Надо было не ехать в больницу, осталась бы дома — авось оклемалась бы и без хирурга. Марганцовочки попила бы, угольку активированного...

— Кузнецова! — громко и раздраженно позвал женский голос.

Натка встрепенулась, вытянула шею:

— Я! Я Кузнецова.

— Голову запрокиньте. Не дергайтесь.

К ней подошла медсестра, прицелилась, ловко сунула в нос тонкую белую палочку,

удовлетворенно хмыкнула и удалилась, ничего не объяснив.

— Это что? — за неимением других собеседников Натка повернулась к упакованной даме.

Та закатила глаза:

— ПЦР-тест, что ж еще! Ну, ничего не знают, как будто в диком лесу живут!

Она снова забубнила про нехватку у граждан ума, масочек и перчаточек.

Натка опять отвернулась. Холодея, она проводила взглядом белую сатиновую спину медсестры и сдвинула руку, которой придерживала больной живот, выше — на сердце.

Боже, боженька, избавь, спаси и помилуй! Только не коронавирус, только бы не коронавирус!

— Что ты смотришь? Снова эту чушь? — Сашка заглянула в кухню, скривилась при виде работающего телевизора, зевнула, помотала головой и ушлепала в ванную.

— А ты опять без тапок! — ответно уличила я дочь.

Такого рода пикировки как-то незаметно вытеснили у нас привычный обмен приветствиями. Вместо «Доброе утро, мамочка! —

Утро доброе, доченька!» мы постоянно в чем-то упрекаем друг друга.

Вообще-то у нас с Сашкой прекрасные отношения, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Родители других подростков могут только позавидовать нашему взаимопониманию, но время пошло такое, что язык не поворачивается с ходу уверенно объявлять очередное утро добрым.

Вот сегодня, например, в новостях рассказали о новых требованиях куар-кодов и показали митинг протеста антипрививочников. Большую, между прочим, толпу с виду вполне нормальных граждан!

Приличные вроде люди, взрослые, образованные. Разумно и логично аргументируют необходимость отказаться от прививок.

— Нет никакого ковида, это всего лишь масонский заговор, — хорошо поставленным голосом лектора говорит в протянутый журналисткой микрофон благообразный мужчина в барашковой шапке. — Назрела необходимость в очередной раз произвести раздел рынков, что в условиях глобализации и распространения Интернета удобнее всего сделать именно таким образом — объявив пандемию...

— Это происки фармацевтических компаний! — поддакивают ему в толпе. — Они наживаются на страхе перед вирусом, зарабатывают миллиарды на липовых лекарствах и вакцинах!

— Вакцины — зло! С прививками нам внедряют микрочипы! — кричит какая-то женщина.

Камера отворачивается от благообразного лектора, ныряет в толпу, ищет и находит нового крикуна.

— Нас всех подсаживают на какую-то дрянь! Сначала одна прививка, вторая, потом ревакцинация, бустерная доза, назальный спрей, что еще?! Да скоро мы сами будем выпрашивать укольчик, как наркоманы! Все деньги отдадим, карманы вывернем за новую дозу! — пророчит худой мужчина с лихорадочно блестящими глазами. — Кредиты в банках станем брать на прививки!

— Тебе еще не надоело? — Вернувшаяся из ванной Сашка, протянув руку поверх его плеча, «выстрелила» с пульта в телевизор.

Митингующих смыло с экрана потоком рекламы.

— ...принимаем порошок, чтобы вирус не прошел! — похвалилась Образцовая Мать, обнимая пару Идеальных Деток.

— Какой порошок? Какой вирус? — Сашка закатила глаза и плюхнулась на табуретку. — Достанешь мой йогурт из холодильника? — Она снова щелкнула пультом.

— ...совершенно необходимо прививаться! — приятно упитанный доктор — очень милый и располагающий, типичный добрый Айболит, только в модных дорогих очках, — сокрушенно покачал головой, и его румяные щеки затряслись. — Чрезвычайно высокая летальность...

Щелк! Сашка смела с экрана доброго доктора Айболита, увела с линии огня пульт, свободной рукой приняла от меня баночку с йогуртом и припомнила:

— А ведь этот самый доктор в прошлом году уверял, что ковид ничуть не опаснее простуды и сезонного гриппа, мол, процент умирающих от него мизерный, и достаточно обливаться холодной водой, чтобы не заболеть! Как ему теперь верить?

— А кому верить, Саш? — Я поставила на стол свой кофе, со вздохом опустилась на табуретку и придвинула к себе расписную жестянку с печеньем.

Дочь, подождав, пока я сниму с нее тугую крышку, сунула руку в коробку и вытащила сразу два печенья.